

ISBN 5-89716-025-2

КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. (ИЗ ИСТОРИИ КОСТЮМА):
Том 2. Материалы III Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина. Самара, 2001.

Сборник содержит материалы III Международной археологической конференции «Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма)», проходившей с 14 по 18 марта 2000 г. в Самарском областном историко-краеведческом музее им.П.В.Алабина. Конференция была посвящена одному из наиболее сложных и малоисследованных аспектов истории и культуры первых раннефеодальных государственных образований Евразийских степей и их соседей - истории костюма.

Материалы конференции публикуются в двух томах. В первом томе представлены общетеоретические работы и публикации, посвященные реконструкции археологического костюма, во втором томе помещены статьи, в которых анализируются конкретные категории артефактов - элементов евразийского костюма.

Сборник представляет интерес для археологов, историков, краеведов, всех интересующихся отечественной историей.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Администрации Самарской области и Администрации города Самары

Редакционная коллегия: Д.А.Сташенков (отв.редактор),
А.Ф.Кочкина, Л.В.Кузнецова

© Самарский областной
историко-краеведческий
музей им.П.В.Алабина, 2001

РЕДКИЙ ТИП БЛЯШЕК-АМУЛЕТОВ ИЗ ВЕРХНЕСАЛТОВСКОГО
КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА

Для орнаментации салтовской культуры наиболее характерным является растительный орнамент, основу которого составляет более или менее стилизованный цветок лотоса (Фонякова Н.А., 1986). Хотя на некоторых изделиях исследователи отмечают своеобразную двузначность таких композиций, когда они читаются, с одной стороны, как растительные, а с другой - как зооморфные или антропоморфные (Макарова Т.Н., Плетнева С.А., 1983, с.72). На самом деле изображения человеческого лица или фигур людей на вещах салтовского времени единичны. Поэтому каждая новая находка вещей подобного типа не может не вызывать интерес. Именно такой находкой и являются бляшки, обнаруженные в одном из захоронений Верхнесалтовского катакомбного могильника на Харьковщине.

Катакомба № 40 была обнаружена на склоне Капиносского оврага в 1985 г. экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В.Г.Бородулина.* Дромос катакомбы был вырыт вверх по склону, в направлении с севера на юг с небольшим отклонением к западу (азимут 18°). Длина его на уровне обнаружения составляла 4,8 м, ширина у южного края - 0,45 м, у северного - 0,6 м. Дно дромоса комбинированное. В начальной южной части дромоса были зафиксированы 5 ступенек длиной до 0,2 м и высотой 0,2-0,35 м. От последней ступеньки дно дромоса полого спускалось ко входу в погребальную камеру. Глубина дромоса у входа в камеру составляла 3,2 м от современной поверхности. В погребальную камеру вел вход арочного типа размерами 0,4x0,7 м и глубиной 0,4 м. Погребальная камера в плане имела прямоугольную форму с закругленными углами. Камера по отношению к дромосу располагалась поперечно. Ее размеры 1,65x1,3 м. В камере было совершено коллективное захоронение (рис.2, 1). Оба взрослых погребенных подверглись обряду обезвреживания путем отделения черепа, разрушения грудной клетки и смещения костей обеих рук. По сохранившимся на своих первоначальных местах костям видно, что покойники были уложены в вытянутом положении на спине головами влево от входа. Положение третьего покойника (ребенка) установить не представлялось возможным. При костяке погребенной у северной торцевой стенки камеры был обнаружен следующий погребальный инвентарь: железный черешковый

нож (рис.2, 2), два бронзовых литых бубенчика (рис.2, 10), стеклянные (рис.2, 14-25, 30-36) и каменные (рис.2, 26-29) бусы, бронзовое литое зеркальце-амулет (рис.2, 9). Среди тлена от детского костяка были найдены бронзовые спиралевидные пронизи (рис.2, 5), два горлышка от стеклянных флаконов - бальзамариев (рис.2, 12, 13), бронзовый проволочный браслет с несомкнутыми концами (рис.2, 6), три астрагала. Инвентарь покойника, уложенного у самого входа, представлен шестью бронзовыми бубенчиками, бронзовой подвеской-амулетом, бронзовой литой сережкой с неподвижной каплеобразной подвеской (рис.2, 7, 8, 11). В районе грудной клетки погребенной была обнаружена «бляха из оловянистой бронзы с покрытием из тонкого серебряного листа, на котором имелось изображение двух мужских фигур. К сожалению, в процессе расчистки и извлечения бляха разрушилась» (Бородулин В.Г., 1985, с.43). Возможно, она была повреждена еще при выполнении обряда обезвреживания погребенной. Данный обряд был достаточно широко распространен у аланского населения бассейна Северского Донца (Флеров В.С., 1993, с.44-51; Аксенов В.С., 1999а, с.62).

Изучение остатков находки показало, что в данном случае в захоронении находилась не одна, а несколько бляшек с изображениями фигур людей (рис.1). Это подтвердилось и при более детальном изучении полевых чертежей захоронения. На чертеже погребальной камеры достаточно четко видно, что в районе грудной клетки погребенной находились как минимум две бляшки (рис.2, 1 А).

Бляшки были изготовлены путем литья из свинцово-оловянистой бронзы с последующей обтяжкой их тонким серебряным листом, на котором уже было нанесено изображение человеческих фигур путем тиснения. От основ бляшек сохранился только порошок светло-серого цвета, который местами прослеживается на внутренней стороне серебряного листа.

Две бляшки имели диаметр около 3 см (рис.1, 1, 2). Край декорирован цепочкой круглых выпуклин диаметром 0,4-0,5 см. В поле бляшек вписана сидящая человеческая фигура, рельефная и хорошо выделяющаяся. Человек сидит с широко разведенными коленями, подведя под себя ступни. Лицо обращено на зрителя, глаза крупные, миндалевидные, рот и нос маленькие, переданы небольшими штрихами. Непропорционально большими выглядят уши, возможно, из-за вставленных в них сережек. На голове человека мягкая полукруглая шапочка, нижний край которой обрамлен тонкой повязкой. Концы повязки в виде трапеций развеваются за плечами человека. На шее

мужчины гладкая тонкая полоса - возможно, гривна или воротник кафтана. Левая рука согнута в локте, кисть ее находится у стоп. Кисть руки сжата в кулак, от которого вправо к краю бляшки отходит тонкая длинная полоса - возможно, палаш. Изображение правой руки большей частью не сохранилось. Однако по остаткам изображения ее локтя над бедром правой ноги можно предположить, что она, вероятно, была поднята с каким-то жестом вверх. В целом изображение достаточно грубое, детальная проработка отсутствует.

Форму не менее 3-х бляшек, к сожалению, установить достоверно не представляется возможным (рис.1, 3-4) На этих бляшках, по-видимому, первоначально была представлена композиция из двух человеческих фигур (рис. 1, 5). До нас они дошли в сильно поврежденном состоянии. Центральное место в композиции отведено фигуре человека, сидящего с широко разведенными коленями и подведенными под себя ступнями (правая ступня поверх левой) (рис.1, 3). Лицо повернуто влево: вероятно, оно было обращено ко второй человеческой фигуре. Лицо безбородое и безусое. На лбу - тонкая повязка, поддерживающая зачесанные назад и собранные в пучок прямые волосы. От головы влево отходят две тонкие, расширяющиеся к концам лопасти - концы головной повязки. Глаза большие, миндалевидной формы. Нос прямой, крупный. Рот небольшой, округлых очертаний. Шея обрамлена широкой полосой, украшенной овалами - орнаментированный воротник. Правая рука согнута в локте так, что кисть руки находится на уровне груди в явно ритуальном жесте. Левая рука опущена к стопам ног. В ней зажат Г-образный предмет, стоящий вертикально, - посох. На ногах мужчины гладкие, обтягивающие брюки, заправленные в невысокие мягкие сапожки. По голенищам сапожек прочерчены две гладкие неширокие полосы, вероятно, ремешки для закрепления сапог на ноге. Бедра человека прикрыты полами длинного кафтана, который в талии туго перетянут широким поясом. На полах кафтана вертикальными легкими штрихами переданы складки материи. Такими же легкими штрихами показаны полосы орнамента на развевающихся концах головной повязки. Все детали данного изображения проработаны достаточно хорошо, чего не скажешь в отношении второй мужской фигуры, которая по отношению к вышеописанной фигуре занимает явно подчиненное положение. На четырех фрагментах серебряной фольги представлена фигура коленапреклоненного человека с опущенными вниз руками и лицом, обращенным к человеку с посохом (рис.1, 4). Тело человека развернуто в три четверти. Человек имеет достаточно длинный и

прямой нос. Глаза и рот переданы короткими штрихами. Человек облачен в кафтан с разрезом посередине груди. Ворот и разрез на груди оформлены в виде неширокой гладкой полосы, вероятно, это окантовка краев кафтана. На голове человека мягкая полукруглая шапочка, нижний край которой оформлен в таком же стиле, как и ворот кафтана. Передавая коленопреклоненную фигуру более схематично, мастер таким способом обозначил и подчеркнул неравноправное положение людей, изображенных на бляшке.

Еще на одном фрагменте фольги прослежено изображение двух мужских голов (рис. 1, б), другие части изображения утрачены. Одна мужская голова изображена в фас. На голове мужчины - головной убор полукруглых очертаний, по нижнему краю которого проходит налобная повязка. Над левым плечом мужчины просматривается один из концов налобной повязки. По-видимому, концы налобной повязки, как и в других случаях, были изображены развевающимися за плечами человека. Голова второго мужчины изображена в профиль, она повернута влево к человеку шапке и головной повязке. У второго мужчины волосы прямые, зачесанные назад, на лбу просматривается налобная повязка. По-видимому, прическа этого мужчины аналогична прическе главной фигуры в композиции с коленопреклоненной фигурой (рис. 1, а). Вероятно, к этой бляшке принадлежат и два фрагмента серебряной фольги (рис. 1, б), дающие представление об оформлении краев этой бляшки. Края данной бляшки были декорированы расположенными через незначительные промежутки полукруглыми выступами. Такой выступ присутствует и на фрагменте бляшки с изображением двух мужских голов.

Описанные бляшки не являлись элементами поясного набора, на что указывает обнаружение их в районе грудной клетки погребенной, а также отсутствие в комплексе поясной пряжки и наконечника. По-видимому, данные бляшки выступали своеобразными амулетами, укрепленными на одежде в районе груди и пояса молодой женщины. Именно на груди и поясе концентрировалась масса амулетов-оберегов в одежде аланских женщин и детей (Иерусалимская А.А., 1992, с.8).

Изображения на бляшках, по-видимому, служили своеобразными иллюстрациями какого-то мифа или сказания. На бляшках представлены изображения людей с предметами (посох, палаш), являющимися зримыми атрибутами власти. Так, посох у многих северокавказских и восточных народов выступает атрибутом жречества, тогда как палаш (меч) в руках сидящего мужчины является указателем на принад-

лежность персонажа к воинской прослойке общества. К сожалению, смысловая расшифровка изображений на бляшках усложнена их фрагментарностью.

Изображения на данных бляшках могут служить источником для изучения костюма раннесредневекового населения Подонья. Верхней одеждой у мужчин, как показывают изображения на бляшках, служил длиннополый кафтан с облегающей верхней частью, стоячим воротником, разрезом на груди, снабженным, вероятно, застежками-галунами и, по-видимому, расклешенной, широкой нижней частью. Таким образом, изображенный мужской кафтан восходит к типично скифо-сарматскому (иранскому) типу одежды и соответствует образцам верхней мужской одежды и раннесредневековых северокавказских народов, и современному горскому костюму (Иерусалимская А.А., 1992, с.7, схема 1а, б, в, фото 9). Свободная и расклешенная нижняя часть кафтана делала его приспособленным для верховой езды. Мужчины на бляшках облачены в обтягивающие штаны, заправленные в невысокие сапожки. Точно так же одеты и обуты на известных изображениях скифские воины (Степи европейской части., 1989, табл.31, 27, 31; 32, 18; 33, 27,28; 44, 4; Клочко Л.С., 1992, рис.1, 3, 4; 2, 2), тогда как северокавказские народы носили иной род обуви - чувяки с суконными или кожаными ноговицами (Иерусалимская А.А., 1992, с.17, позиц.17), которые укреплялись под коленами войлочными или кожаными подвязками, напоминающими кавказские поясные ремни (Магометов А.Х., 1968, с.276). Именно остатки такой обуви, в виде фрагментов кожаных ремешков, украшенных бляшками и наконечниками, наиболее часто встречаются в аланских катакомбных захоронениях бассейна Северского Донца (Аксенов В.С., 1999, табл.ХХI, 22; ХХIV, 5; Колода В.В, 1997, табл.ХХХI, 10; ХL, 14,15; ХL, 7). Поэтому сапоги на ногах изображенных мужчин, вероятно, можно считать зримым атрибутом их высокого социального положения. Одежда изображенных на бляшках людей снабжена обязательным атрибутом мужской одежды кавказских народов и аланских (салтовских) мужчин-воинов - поясом (Плетнева С.А., 1989, с.280). Необходимо отметить соответствие полукруглых шалочек на головах мужчин на бляшках кат.№ 40 головным мужским уборам, найденным в Мощевой балке (Иерусалимская А.А., 1992, схема 9в) и изображенным на головах приближенных царя на кунгурском блюде (Вошинина А.И., 1953, рис.6). Развевающиеся ленты на верхнесалтовских изображениях имеют аналогии в изображениях охотящихся царей на священных животных, представленных на сасанидских дра-

гоценных сосудах (Маршак Б.И., 1971, табл.28, 27, 34, 35; Вошинина А.И., 1953, рис.5, 6; Толстой И., Кондаков Н., 1890, рис.90). Передача воротника, разрезов, пол на кафтанах мужчин, изображенных на верхнесалтовских бляшках (рис.1), свидетельствует об оформлении их в реальной жизни декоративной каймой из иного, чем сам кафтан, материала. Таким же способом украшалась женская и мужская одежда из захоронений Мощевой Балки, что, безусловно, отражает воздействие согдийской моды, которая во многом копировала сасанидский костюм (Иерусалимская А.А., 1992, с.8). То, что это так, подтверждают изображения на сасанидских серебряных сосудах (Вошинина А.И., 1953, рис.5, 6). Вероятно, в нашем случае мы имеем дело с подражанием салтовских ремесленников лучшим образцам иранской (сасанидской) торевтики и восприятием понятных, близких им образов. На верхнесалтовских бляшках головные ленты с развевающимися концами дополняют образы представителей местной социальной верхушки общества (жреца и воина), тогда как на сасанидских изделиях головные ленты являются атрибутом царей. У современных кавказских народов ленты на головных уборах и на лбу носят только наиболее почитаемые старейшины и воины. Важным является вопрос датировки нашего комплекса. Единственной относительно близкой аналогией бляшкам из кат.№ 40 Верхнесалтовского могильника в настоящее время являются бляшки поясного набора из мужского венгерского погребения X в. у с.Субботинцы Знаменского района Кировоградской области (Бокий Н.М., Плетнева С.А., 1988, рис.5). Однако, их отличают разная техника исполнения, материал, из которого изготовлены вещи, и оформление краев бляшек. Позы мужчин, их прически, наличие налобных повязок с развевающимися концами, набор предметов, их сопровождающих (посох, палаш), на субботинских и верхнесалтовских бляшках идентичны, что свидетельствует о принадлежности представленных на них образов к одному этнокультурному кругу памятников. Техника изготовления верхнесалтовских бляшек характерна для изделий, происходящих из салтовских комплексов IX в. (второй его половины) бассейна Северского Донца, и, следовательно, бляшки были изготовлены местным мастером. Остальной погребальный инвентарь катакомбы (рис.2, 6-36) в целом характерен для последнего этапа существования салтовской культуры и, следовательно, не выходит за рамки вт. пол. IX - пер. пол. X вв. Вероятно, этим временем и следует датировать данный комплекс.

** Автор выражает благодарность В.Г. Бородулину за разрешение опубликовать материалы его раскопок.*

Список литературы

Аксенов В.С., 1999. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского IV катакомбного могильника в 1998 году // Архив Харьковского исторического музея.

Аксенов В.С., 1999а. К вопросу об обряде обезвреживания погребенных у аланского населения салтовской культуры // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.

Бокий Н.М., Плетнева С.А., 1988. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. № 2.

Бородулин В.Г., 1985. Дневник раскопок Верхнесалтовского катакомбного могильника археологической экспедицией Харьковского исторического музея // Архив Харьковского исторического музея.

Воицинина А.И., 1953. О связях Приуралья с Востоком в VI-VII вв. н.э. // СА. XVII.

Иерусалимская А.А., 1992. Кавказ на Шелковом пути. СПб.

Клочко Л.С., 1992. Скифская обувь // СА. №1.

Колода В.В., 1997. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского комплекса в 1996 году // Архив научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского педагогического университета им. Г.С.Сковороды.

Магомедов А.Х., 1968. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе.

Макарова Т.Н., Плетнева С.А., 1983. Пояс знатного воина из Саркела // СА. № 2.

Маршак Б.И., 1971. Согдийское серебро. М.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М.

Толстой И., Кондаков Н., 1890. Русские древности в памятниках искусства. Вып.3. Древности эпохи переселения народов. СПб.

Флеров В.С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии Восточной Европы. Вып. 1. Волгоград.

Фонякова Н.А., 1986. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII-IX вв. // СА. №3.

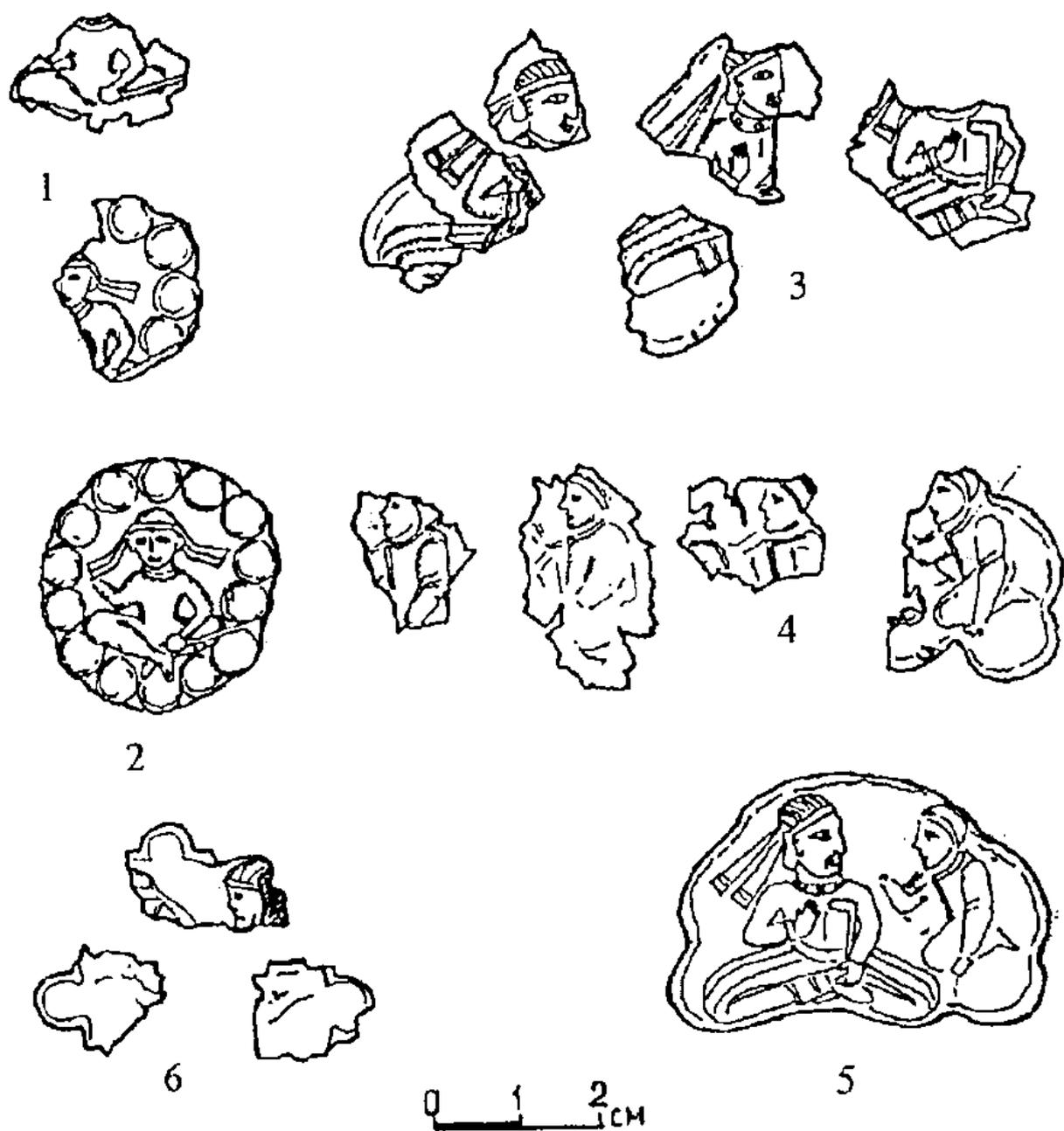

Рис. 1. Бляшки из катакомбы № 40 Верхнесалтовского могильника.
 1, 3, 4, 6 - фрагменты серебряной фольги от бляшек; 2, 5 - реконструкции бляшек.

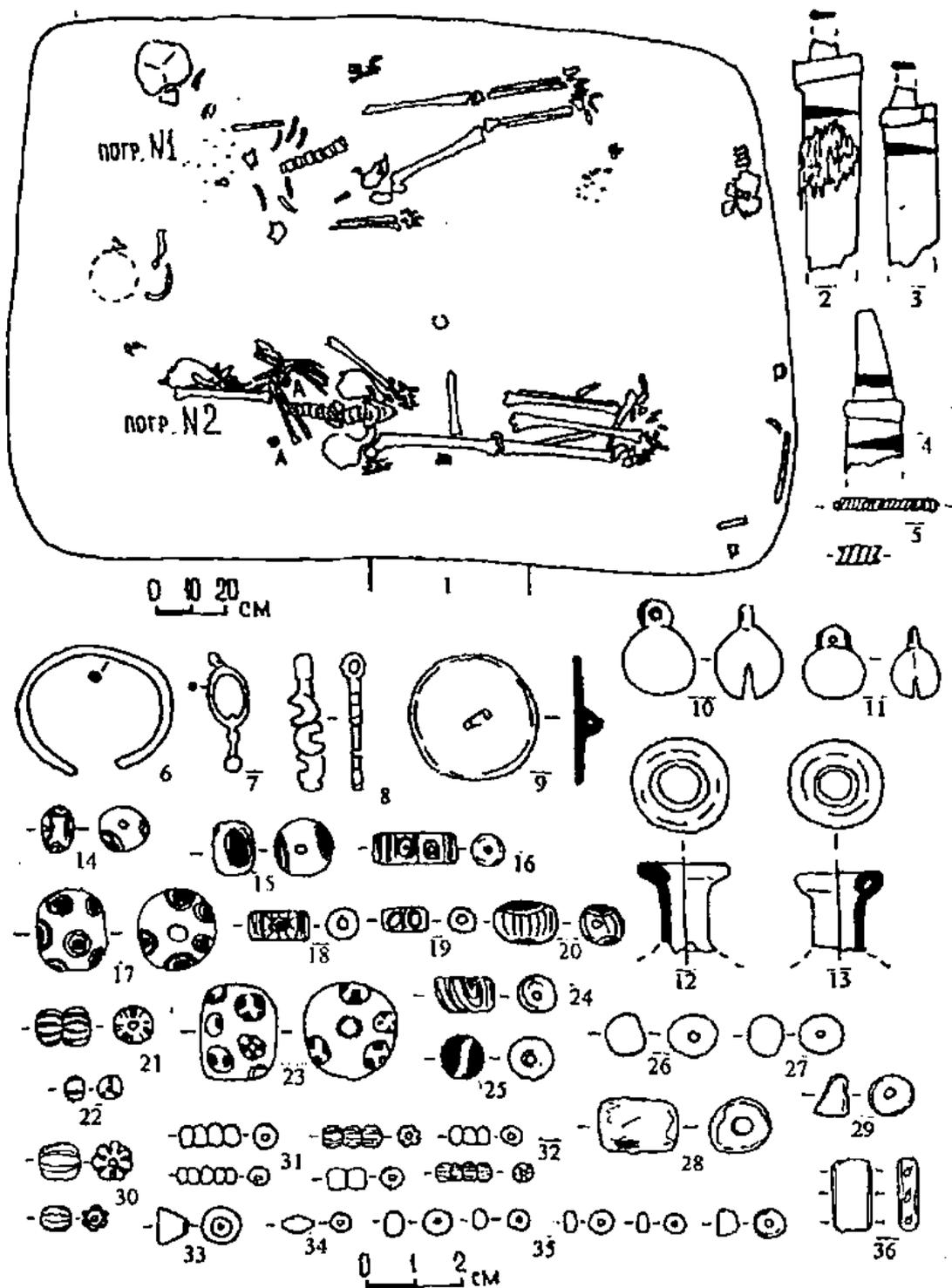

Рис. 2. Инвентарь катакомбы № 40 Верхнесалтовского могильника. 1 - погребальная камера; 2-4 - черешковые ножи; 5 - спиралевидные пронизи; 6 - браслет; 7 - серьга; 8 - подвеска-амулет; 9 - подвеска-зеркальце; 10, 11 - литые бубенчики; 12, 13 - горлышки бальзамариев; 14-36 - бусы. 2-4 - железо; 5-11 - бронза; 12-25, 30-36 - стекло; 26 - сердолик; 27 - горный хрусталь; 28, 29 - роговик.